

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

РУССКОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ШЕЛЛИНГИАНСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

© Т.И. Липич

В статье рассматривается взаимосвязь и взаимовлияние философских культур России и Германии. Объективно-идеалистическая философия Шеллинга оказала определенное воздействие на русскую литературную эстетическую мысль и русское романтическое движение первой половины XIX в. Романтизм со своими специфическими национальными чертами был одним из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества, в т. ч. и в России.

Ключевые слова: романтизм; культура; национальное самосознание; русское шеллингианство; философская поэзия.

Одной из актуальных проблем современной философско-филологической науки является вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии различных философских культур, этапах их формирования, выявлении национальной специфики. В контексте этих вопросов анализ становления и своеобразия русской философской мысли является одним из интереснейших. Выявить национальные особенности и пути развития русской философии в начале XIX в. без учета и анализа ее взаимосвязей с другими культурами, в частности с немецкой, нам представляется маловероятным.

Многие нынешние исследователи (как российские, так и западные), обращаются к этой проблеме. В недавнем прошлом на первый план зачастую искусственно выдвигались исследования по истории русского материализма и всячески замалчивались работы о русском духовном наследии, которые носили религиозно-идеалистический характер. Но в конце XX в. в силу известных причин на первый план стали также искусственно выдвигаться исследования «национальной» русской философии, которая может быть представлена только как религиозная философия, и всячески умалчивалась ее связь с западноевропейской философией. Но уже с конца 80-х гг. XX в. стала вполне заметнее тенденция к противопоставлению русской и западной философий. Согласно этой тенденции вырисовывалась идея о том, что у рус-

ских мыслителей свое, особое видение общеполитических проблем, и в связи с этим идеи Шеллинга, Фихте, Гегеля и Канта не имели никакого значения, а если и имели, то только негативное, раздавались даже призывы дать «истинную» оценку «преступной» гегелевской философии в России. Но, к счастью, в последнее десятилетие появился ряд исследований, в которых достаточно объективно рассматриваются особенности становления русской философской культуры и ее связь с западноевропейской культурой. Это работы А.И. Абрамова, Е.Ф. Барабанова, Т.И. Благовой, В. Ванчугова, Б.В. Емельянова, В.А. Кошелева, В.И. Кулешова, Ю.В. Манна, М.А. Маслина, С.Н. Носова, П.А. Сапронова, В.И. Сахарова, Н.Н. Старченко, А.Д. Сухова, С.С. Хоружего и др.

Частной задачей данной статьи является анализ рецепции немецкой классической философии, в частности философии Шеллинга, в русской литературно-эстетической и философской мысли первой половины XIX в., проявившейся, прежде всего, в романтизме. В целом, необходимо отметить, что сама по себе философия Шеллинга сложна и неоднозначна. В своем творческом развитии она прошла несколько этапов: Философию раннего Шеллинга связывают с объективным идеализмом и религиозной установкой. Его философия тождества утверждает тождество идеального и реального в Абсолюте. Шеллинг обосновывал наличие животворящего и

мыслящего принципа в самой природе, которая исполнена сознания и духа и гармонично объединяет божественный и человеческий уровни.

Философия Шеллинга оказалась перекрестком дорог, откуда начинались многочисленные пути – приложение философии к различным наукам. Его философия оказывала влияние на многие стороны русской культуры.

«Бывают минуты в жизни народов, когда всякое новое учение, каково бы оно ни было, всегда явится облеченным чрезвычайной властью в силу чрезвычайного движения умов, характеризующего эти эпохи», – писал Шеллингу русский мыслитель П.Я. Чаадаев [1]. Это, в первую очередь, относится к очень непростой судьбе шеллингианских идей в России. Именно с философией Шеллинга в России стало набирать силу романтическое движение как явление русской духовной жизни, приобретшее своеобразные черты.

Романтизм был одним из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества и являл собой особый тип философско-исторического осмысления мира, особый тип эстетического сознания, литературно-художественного восприятия мира. Романтизм представляет собой культурное самосознание человечества, он является в известной мере универсальным мировоззрением.

Романтическая философия занята решением вечных философских вопросов, рассматривающих отношение субъекта к объекту, конечного и бесконечного, духа и природы, свободы и необходимости.

Многие писатели-романтики в стремлении к культурному самоопределению искали связи между идеями. От увлечения немецкими философско-эстетическими системами они постепенно переходили к собственному осмыслению различных сторон жизни, внутреннего мира личности. Особенно это относится к увлечению шеллингианством. Но русское романтическое шеллингианство – это ни в коей мере не слепое подражание Шеллингу. Русские романтики ценили его прежде всего как мыслителя, творца художественных идей. Н.М. Рожалин, известный переводчик и эстетик, в своем письме из Мюнхена писал: «Вообразите себе древнего Платона, вооруженного всеми успехами, ко-

торые сделала наука с его времени, доказывающего языком самым поэтическим бессмертие души и необходимость принять все догматы откровения: таков теперь Шеллинг» [2]. Именно такой Шеллинг влиял на умы писателей и эстетиков, передовой мыслящей дворянской молодежи, которые объединялись в различные философские кружки, например, «Общество любомудрия».

А.С. Пушкин с большим уважением относился к любомудрам, к их поискам в области теории, философской эстетики: «Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком, мало понятным для непосвященных, но, тем не менее, их влияние было плодотворно и час от часу становится более ощутительно» [3]. Любомудры главной целью для себя ставили построение своей, новой философии, которая могла бы быть основой для русской культуры. В качестве духовного наставника они избрали мыслителя и поэта Шеллинга, многие работы которого были настольными книгами у русских мыслителей («Система трансцендентального идеализма», «Об отношении изобразительных искусств к природе» и др.). В Германии Шеллинг был не столь популярен, как в России, где его философия трансцендентального идеализма породила внутри нашего романтизма весьма влиятельное и плодотворное философско-литературное течение. Хотя необходимо отметить, что идеи Шеллинга оказывали влияние не только на литературу, философию, но и на развитие естественных наук, о чем весьма красноречиво отозвался А.И. Галич: «Учение Шеллинга нарочито сопоспешествовало дальнейшему глубокому исследованию природы как органического и живого целого и многим открытиям в физиологии и медицине» [4]. Таким образом, русское шеллингианство постепенно проникало в различные стороны русской жизни и русской культуры. Но, пожалуй, самым плодотворным был союз философии и литературы в 30–40-е гг. XIX в. В этот период романтическая литература тяготела к философичности (например, «поэзия мысли» Жуковского, Ба-

ратынского, Тютчева, философская проза В. Одоевского), а философская мысль чаще облекалась в литературные формы (например, поэзия А.С. Хомякова). О связи романтизма и идей трансцендентального идеализма в русском шеллингианстве красноречиво говорил Ап. Григорьев: «Сила в том, что трансцендентализм был силой, был веянием, уносившим за собой все, что только способно было чувствовать, уносило другое веяние, которое за недостатком другого слова надобно называть романтизмом. В сущности, то и другое – трансцендентализм и романтизм – были две стороны одного и того же» [5].

Романтизм оказывал огромное влияние на русскую культуру. Любомудры постепенно преодолевали влияние схоластического рационализма, что давало возможность по-новому осмыслить бытие человека и его свободу. П.Я. Чаадаев в одном из своих писем к Шеллингу отмечал: «Изучение ваших произведений открыло мне новый мир...», – и далее он обещал приобщить к его учению «целое молодое поколение, бедное настоящим, но богатое будущим». И действительно, многие молодые люди испытали на себе влияние идей Шеллинга. В.Ф. Одоевский писал: «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV: он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания – его душу! Как Христофор Колумб, он нашел не то, что искал; как Христофор Колумб, он возбудил надежды неисполнимые. Но, как Христофор Колумб, он дал новое направление деятельности человека!» [6].

В результате такого открытия Шеллинга были теория непосредственного знания в эстетике и совсем по-новому понимаемый романтический психологизм в литературе. Он открыл русским романтикам внутренний мир человека, таинственную душу человека, отказавшегося от ограничений «внешнего разума» и устремившегося к живому знанию, способствующему самопознанию. Таким образом, русские мыслители не являлись слепыми подражателями идей немецкой классической философии. В лице Шеллинга они стремились к самостоятельному мировосприятию, хотя Рожалин писал из Германии Шевыреву: «Занимать у немцев надо почти все, без страха все само собою в умной голове перелетится в Русское» [7]. Об этом же не-

сколько позднее говорили В. Одоевский и И. Киреевский, которые видели в философии Шеллинга одно из оснований оригинального русского мировоззрения. Кстати, и Шеллинг, и Гегель не один раз говорили о России, о ее предназначении в будущем.

В 1842 г. в беседе с В. Одоевским Шеллинг сказал: «Чудное дело ваша Россия; нельзя определить на что она назначена и куда идет она, но к чему-то важному назначена» [8]. В этот период в русском обществе назрела необходимость собственного осмысления, уяснения своего национального самосознания, а шеллингианская теория культурно-исторических циклов способствовала интенсификации этих процессов в умах всего мыслящего сообщества России. Одной из центральных идей романтизма являлась идея противопоставления двух культур – Востока и Запада, которая проявилась как в романтической философской поэзии, так и в философской прозе (Ф.И. Тютчев, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, И.С. Аксаков и др.). Но русские мыслители не остановились на этой идее, они пошли дальше в размышлениях о судьбе России, о ее своеобразном пути, о ее предназначении, что вылилось в различные подходы в решении этой проблемы: славянофильский и западнический. Философские взгляды позднего Шеллинга, его теория откровения в 40-х гг. уже мало кого удовлетворяла. Так, Ф.И. Голубинский осудил стремление Шеллинга балансировать между философией и религией: «Но выходит, что он от одного берега отстал (и то не совсем), а к другому не пристал. Теперешняя его философия откровения не удовлетворит ни строгим философам, требующим не провещаний оракула, а доказательств, – ни любителям и ученикам премудрости божественной» [9].

Постепенно нарастало разочарование этой философией, наметился отход, но вместе с тем, в 1840-х гг. для России настало время новых идей. Шло формирование новых философских подходов, характерных для России 1840–50-х гг. Однако влияние идей Шеллинга, вылившееся в развитие русского романтического шеллингианства, оказалось целой эпохой в русской культуре, например, учение о поэтической интуиции, идея «поэзии мысли», известная формула Белинского «где жизнь, там и поэзия», идея

органичности, универсального синтеза и т. д. Вместе с тем, необходимо отметить, что русские мыслители не просто брали идеи Шеллинга, а творчески их перерабатывали, и далеко не все мысли и идеи немецкого мыслителя достаивались их внимания. В контексте нашей духовной культуры эти идеи обрели совершенно новый смысл, переводились на язык русского мировоззрения и миропонимания.

1. *Чаадаев П.Я.* Соч. и письма. М., 1914. Т. 2. С. 240.
2. *Рожалин Н.М.* Выдержки из писем // Русский архив. М., 1909. № 8. С. 599.
3. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. XII. С. 72.
4. *Галич А.И.* История философских систем. СПб., 1819. Т. II. С. 299.
5. *Григорьев Ап.* Воспоминания. Л., 1980. С. 46-47.
6. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. М., 1975. С. 15-16.

7. *Рожалин Н.М.* Письмо С.П. Шевыреву 22 января 1830 г. // Русский архив. М., 1906. № 2. С. 240.
8. *Одоевский В.Ф.* О литературе и искусстве. М., 1982. С. 140.
9. *Голубинский Ф.А.* Письмо к Ю.Н. Баргтеневу от 23 марта 1843 г. // Русский архив. М., 1880. Кн. III. С. 430.

Поступила в редакцию 21.04.2009 г.

Lipich T.I. Russian romantic "shellingianstvo" of the 1st half of the XIX century. The article considers the interrelation and interference of Russian and German philosophical cultures. Shelling's objectively-idealistic philosophy has exerted certain influence on Russian literary-aesthetic and philosophical thought and Russian romantic movement of the 1st-half of the XIX century. Romanticism with its peculiar national features was one of the major links in cultural-historical development of mankind, also in Russia.

Key words: romanticism; culture; national consciousness; Russian shellingianstvo; philosophical poetry.

УДК 1

МИРЫ, ИСПОЛНЕННЫЕ СМЫСЛА. ИДЕИ ГЛУБИННОЙ ЭКОЛОГИИ К. МАЛЕВИЧА

© А.А. Шаронова

В статье исследуются особенности философского творчества К.Малевица, прослеживается их связь с идеями экологии Разума. Концепция глубинной экологии рассматривается в контексте супрематического творчества художника.

Ключевые слова: глубинная экология; смысл; супрематизм; духовные ценности.

М. Фуко в своей знаменитой работе «Порядок дискурса», определяя дискурс как волю к истине, проводит границы между двумя его видами. Тем дискурсом, который характеризуется господством, почтением и подчинением ритуалу и другим, который обрел новую форму воли к знанию. Фуко следующим образом комментирует это новую «мутацию»: «...наивысшая правда больше уже не заключалась ни в том, чем был дискурс, ни в том, что он делал, — она заключалась теперь в том, что он говорил: пришел день, когда истина переместилась из акта высказывания — ритуализованного, действительного и справедливого — к тому, что собственно высказывается: к его смыслу и форме»

[1]. В этом смысле творческое наследие Казимира Малевича (1878–1935), мыслителя и художника, осуществившего прорыв к новой реальности, также является для нас знаковой фигурой. Россия первой половины XX в. явилась источником бесчисленных политических и художественных утопий. Острое ощущение реальной дисгармонии, несовершенства земного мира дополняется в то же время страстным желанием немедленного преобразования этого мира. И хотя К. Малевич претендует на создание собственной философии, его идеи полностью вписываются в новую системную модель экологии культуры.

К. Малевич является значимой и во многом уникальной фигурой на этом пути к ис-